

Что бы ни случилось, в три часа будет обед

С отцом – Кириллом Савельевичем Зарецким – не только у меня, но и моего брата и сестры были непростые отношения. Была традиция обедов в выходные дни. Ровно в 15.00 мы должны были сесть за стол, а затем размеренно переходили от одного блюда к другому. В выходные, как правило, был какой-нибудь салат, суп, второе, а потом чай и что-нибудь на десерт. Мама пекла пирожки, делала печенье, пироги. В день зарплаты появлялись шоколадные конфеты «Белочка» и «Мишка на Севере». Раньше пообедать было нельзя. Опаздывать к обеду было не принято. За обедом обычно шли долгие напряженные разговоры, которые обязательно переходили в споры и нередко в конфликты. Мне, как младшему в семье, редко удавалось принять участие в таких дискуссиях, поэтому я приобретал опыт пребывания «в рефлексивной позиции», а чтобы меня услышали, нужно было сказать что-то особенно умное...

Когда сын Юра как-то остался надолго с дедушкой на даче, он очень быстро понял, что приходить нужно вовремя. Опоздание к обеду могло привести к тому, что можно было до ужина остаться голодным. Юра довольно быстро сообразил, что сытым быть лучше, чем голодным, и опаздывать к обеду перестал, привык к дисциплине...

Мне долгое время было непонятно отношение отца именно к обеду, к тому, чтобы он начинался обязательно в три часа, и чтобы там был полный набор блюд... Но однажды отец рассказал такую историю...

...Надо сказать, что он не очень много рассказывал, рассказывал в основном одно и то же и всегда в одних и тех же словах. Мне это тоже было непонятно. Я никогда не мог рассказать одинаково один и тот же случай, никогда не мог прочитать одинаково лекцию на одну и ту же тему. У отца все было наоборот. Рассказывая в очередной раз историю, он повторял ее слово в слово, с одними и теми же интонациями, с одним и тем же выражением лица, делая смысловые паузы в одних и тех же местах. Не скрою, это раздражало невероятно. Уже будучи зрелым человеком, я получил объяснение этому феномену – повторяющимся в одних и тех же словах рассказам. Это было уже в конце 1970-х или начале 1980-х годов, когда мой учитель Никита Глебович Алексеев рассказал, как он, устраиваясь в первый раз на работу в 1950-е гг., заполнил листок по учету кадров и написал в нем свою автобиографию. Начальник отдела ее прочитал, а потом, видимо, будучи не только опытным человеком, пережившим страшные тридцатые, ужасные военные и не менее страшные послевоенные годы, но и по природе добрым человеком, по-дружески сказал: «Вот ты написал это, а теперь запомни слово в слово и всегда,

переходя на каждую новую работу, пиши только так!» Никита Глебович удивленно спросил: «Почему?» А в ответ услышал: «Найдется кто-нибудь, кто сверит твои тексты, увидит расхождения, напишет куда надо о том, что ты, так, мол, и так, скрывал то-то и то-то, если ты напишешь что-то новое; или, наоборот, попытался скрыть факты из своей биографии, если вдруг в новом варианте о чем-то забыл написать или посчитал ненужным...»

Услышав этот рассказ, я задумался и понял, что рассказы отца в одних и тех же словах и выражениях были средством защиты, профилактики доносов и анонимок, которые при занимаемых им должностях были бы наверняка, если бы было хотя бы что-то, за что можно зацепиться. И этот защитный механизм продолжал работать даже в семье, не изнашивался с годами, хотя и оттепель уже была пережита, и диссиденты, хотя и подвергались репрессиям, но все-таки не уничтожались, как ранее. Если мне не изменяет память, ту историю, о которой я хочу поведать здесь, отец рассказал только во время перестройки, в конце 1980-х, когда партия и «органы» были уже не страшны...

Отец, Зарецкий Кирилл Савельевич, 1909 г.р., лишился своего отца в 9 лет, поэтому работал с малых лет – сапожником, помощником кузнеца. Родом из посада Митьковка Новозыбковского района. Там поселилась в середине XIX века старообрядческая община. В двадцатые годы он начал приезжать с бригадой на заработки в Москву. В подмосковном Климове до недавнего времени стоял четырехэтажный дом, на фронтоне которого цветным кирпичом было выведено «1928». Это была идея отца, когда их бригада заканчивала дом, он решил увековечить год завершения строительства... После окончания Московского строительного института в 1936 г. он продолжил трудовую деятельность на Урале прорабом. В Краснокамске до сих пор стоят построенные им жилые дома, школа и фабрика Гознака... Уже через два года он был главным инженером, потому что все руководство от начальника строительства и до прорабов было расстреляно или посажено... Его тоже едва не коснулась эта судьба... Тогда бы не было ни той истории, которую я хотел рассказать, ни меня... Но о той истории, которая спасла ему жизнь, я расскажу в другой раз... После Урала он служил в армии, а потом один из его знакомых порекомендовал отца в Наркомат черной металлургии в секретариат заместителя наркома черной металлургии Давида Яковлевича Райзера. Секретариат – это большая организационная и очень ответственная работа. И хотя отец не был на фронте, но в его коллекции два ордена и более десятка медалей...

...Шел конец 1980-х, когда отец вдруг рассказал историю о том, как в 1941 г., когда фашисты подступали к Москве, был издан указ об эвакуации Наркомата черной металлургии на Урал. Сотрудники наркомата забегали по кабинетам, срочно пакуя документы, уничтожая лишнее, многие были в волнении и панике. Коллега отца по секретариату начал суетливо носиться по комнате, хватаясь то за одно, то за другое... Потом обратился к отцу с вопросом: «Что будем делать?» «Знаешь, что, – сказал отец, – пойдем пообедаем! Неизвестно, когда мы в следующий раз нормально поедим...» Они спустились в привилегированную министерскую столовую, с аппетитом съели обед из трех блюд, взяв чай на десерт. Они были единственными посетителями этой столовой. Почему-то мне кажется, что тот разговор состоялся в 15.00...

...Отец прожил почти 98 лет, умер в 2006 году.

Виктор Зарецкий, Москва